

ДЛЯ ВСЕГО, К ЧЕМУ ВЫ СТРЕМИТЕСЬ, ЭГО — ЭТО ВРАГ

Говорят, что он смелый хирург, рука которого не дрожит, когда он проводит операцию самому себе; и он часто столь же смел, как и тот, кто не боится стянуть таинственную вуаль самообмана, которая скрывает уродства его собственного поведения.

Адам Смит,
английский экономист и мыслитель

Примерно в 374 году до н. э. Исократ, один из самых известных учителей и риторов Афин, написал письмо молодому человеку по имени Демоник. Исократ был другом его

недавно умершего отца и хотел дать осиротевшему юноше несколько советов. Они варьировались от практических до моральных и выражались в «благородных изречениях», как назвал их автор. По словам Исократ, они являлись «наставлениями на грядущие годы».

Демоник, как и многие из нас, был честолюбив, и Исократ писал, что путь амбиций может быть опасен. Ритор начал с сообщения, что более всего юноше к лицу «стыдливость, справедливость и скромность, ибо считается, что все это украшает нравственный облик молодого человека»*.

«Вырабатывай твердость характера», — наставлял Исократ и предостерегал Демоника от попадания в зависимость от «гнева, наслаждения и боли». И «к льстецам относись с такой же ненавистью, как к обманщикам: и те и другие, когда им верят, причиняют поверившим зло».

Автор учил адресата: «С теми, кто общается с тобой, будь обходительным, а не надменным. Ведь спесивость тех, кто преисполнен презрения, с трудом смогут выносить даже рабы»; «Обдумывай решения медленно, приводи их в исполнение быстро»; «Знай, что самое лучшее... обладать рассудительностью». Исократ призывал юношу не забывать о разуме: «Заботься обо всем необходимом в жизни, но более всего развивай свой разум. Великое в малом — вот что такое хороший ум в теле человека».

Некоторые из этих советов могут показаться знакомыми. Действительно, через две тысячи лет о бешенстве эго

* «К Демонику». Все цитаты в переводе Э. Д. Фролова. *Прим. пер.*

стал часто предупреждать Уильям Шекспир. В «Гамлете» он, фактически используя это письмо в качестве образца, вложил слова Исократа в уста Полония, обратившегося к своему сыну Лаэрту. Речь эта, если вам доводилось ее слышать, заканчивается такими строками:

*Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим. Прощай;
Благословеньем это все скрепится*.*

Слова Шекспира легли на сердце Уильяму Шерману, молодому офицеру в Соединенных Штатах, — впоследствии он станет, возможно, величайшим генералом и стратегом в истории страны. Не исключено, что он никогда не слышал об Исократе, но зато любил «Гамлета» и часто цитировал речь Полония.

Отец Шермана (как и отец Демоника) умер, когда тот был очень молод. И, как и Демоника, юношу взял под крыло мудрый старший товарищ — Томас Юинг, друг отца и будущий сенатор Соединенных Штатов. Юинг усыновил мальчика.

Несмотря на высокое положение приемного отца, практически никто не мог бы предсказать серьезных достижений Шермана. И уж тем более никто не предвидел беспрецедентного шага — отказа от поста президента страны. Восхождение Шермана на политический олимп было медленным и постепенным — в отличие от, например,

* «Гамлет», акт I, сцена 3. Перевод М. Л. Лозинского. *Прим. пер.*

Наполеона, который стремительно ворвался в историю и так же быстро сошел со сцены*.

Молодые годы Уильям Шерман провел в Вест-Пойнте, федеральной военной академии, и в армии. В первые годы службы он верхом изъездил почти всю страну; каждая поездка приносила офицеру новые знания и умения. Когда разразилась Гражданская война, Шерман отправился на восток и получил звание полковника Добровольческой армии (северян). В первом сражении при реке Булл-Ран северяне потерпели катастрофическое поражение, однако Шерман, успешно командовавший полком, отличился в бою.

После сражения Шермана повысили до бригадного генерала и вызвали для встречи с президентом Линкольном и его военным советником**. В таком составе военачальники обсуждали стратегические планы несколько раз, как вдруг Шерман обратился к Линкольну со странной просьбой: не возлагать на него верховное командование. При этом Шерман соглашался на любое другое назначение. Президент с радостью пообещал удовлетворить просьбу;

* На самом деле разницы практически нет. Шерман служил с 1840 до 1853 года, после чего вышел в отставку, занялся бизнесом и был вызван на службу только в 1861 году, а генералом армии США стал в 1869-м. Таким образом, для перехода от выпускника Вест-Пойнта до высшей точки армейской карьеры ему формально понадобился 21 год службы. Наполеон начал военную службу в 1785 году, а императором стал через 19 лет, в 1804 году. *Прим. пер.*

** Источники говорят, что Линкольн появился в войсках 23 июля, где был впечатлен Шерманом и дал ему звание бригадного генерала добровольцев. *Прим. пер.*

все остальные генералы хотели как раз обратного: как можно больше чинов и полномочий.

В тот период Шерману было комфортно в роли второго номера. Он был уверен, что здраво оценивает свои способности и что выбранная им роль подходит ему лучше всего. Только представьте: честолюбивый человек отказывается от шанса взять на себя ответственность, потому что хочет быть готовым к ней! Не безумие ли это?!

Но Шерман вовсе не был образцом сдержанности и порядка. В начале войны, когда ему пришлось защищать Кентукки с недостаточным количеством войск, его одержимость и склонность к сомнению в себе странным образом встретились. Он бесился из-за нехватки ресурсов и с паранойей относился к маневрам противника. В результате он сорвался и поговорил с несколькими газетными репортерами в недопустимом тоне. Последовал конфликт, Шермана временно отстранили от командования. Чтобы привести нервы в порядок, офицеру потребовалось несколько недель отдыха. Это был один из немногих почти катастрофических моментов — в остальное время его карьера развивалась достаточно успешно.

История с репортерами получила огласку, а Шерман обрел известность. Во время осады Форта Донельсон (спустя семь месяцев после первого сражения при Булл-Ране) звание Шермана было уже формально выше, чем звание Улисса Гранта, командовавшего боевыми действиями. Пока остальные генералы Линкольна боролись между собой за личную власть и признание, Шерман предпочел поддержать и усилить Гранта. Шерман отправил Гранту

партию боеприпасов, приложив записку, в которой говорилось: это твое шоу, обращай ко мне за любой помощью, которая в моих силах. Шерман и Грант вместе одержали одну из первых побед Союза в войне.

Опираясь на свои успехи, Шерман начал отстаивать идею марша к морю. Стратегически смелый и дерзкий план был порожден не каким-то творческим гением, а опирался на точные топографические исследования, которые молодой офицер когда-то провел в местах, казавшихся захолустьем.

Когда-то Шерман осторожничал — теперь же он не сомневался. И, в отличие от множества людей с большими амбициями, право на это мнение он *заработал*. Пройдя от Чаттануги до Атланты, а затем от Атланты к морю, он избежал традиционной серии сражений — одной битвы за другой. Любой, кто изучает военную историю, может видеть, как то же самое вторжение, вызванное эго, а не ощущением цели, привело бы к совершенно иному результату.

Реализм Шермана позволил ему увидеть путь через Юг, который другие считали невозможным. Вся его теория маневренной войны базировалась на намеренном отказе от лобовых атак и демонстрации силы в виде генеральных сражений, а также на игнорировании критики, которая ждала публичной реакции военачальника. Шерман же молчал и придерживался своего плана.

К концу войны Уильям Шерман был уже одним из самых знаменитых людей страны. Однако он не стремился на государственную службу и не имел вкуса

к политике — он желал просто делать свою работу и по ее завершении уйти в отставку. Отмахиваясь от похвал и внимания, сопутствующих успеху, он предупреждал своего друга Гранта: «Будь естественным, будь самим собой, и это пышное подхалимство пройдет, как морской бриз в теплый летний день».

Один из биографов Шермана очертил этого человека и его достижения в следующем замечательном пассаже — вот почему он служит нашим образцом на стадии восхождения.

Люди, которые достигают славы и лидерства, бывают двух типов. Одни рождены с верой в себя, у других их медленный рост зависит от реальных достижений. Для людей второго типа их собственный успех становится постоянным сюрпризом, а его плоды еще вкуснее из-за того, что их пробуют осторожно, с навязчивым чувством сомнения, не сон ли это. В этом сомнении лежит истинная скромность — не притворство неискреннего самоуничижения, а скромность «умеренности» в греческом смысле. Не поза, а уравновешенность.

Кто-то может спросить: если ваша вера в себя *не* определяется реальными достижениями, то от чего она зависит? Слишком часто ответ на этот вопрос, когда мы только начинаем, таков: *ни от чего*. Эго. Вот почему мы часто видим резкие взлеты, за которыми следуют катастрофические падения.

Так к какому типу относитесь вы?

Шерману надо было уравновесить талант, амбиции и пыл, особенно в молодости. Его победа в этой борьбе стала главной причиной того, что он смог справиться с переворачивающим жизнь успехом, который к нему пришел.

Возможно, это звучит странно. Там, где Исократ и Шекспир предлагали нам быть сдержанными, целеустремленными и руководствоваться принципами, многих из нас учили делать противоположное. Наши культурные ценности практически пытаются поставить нас в зависимость от одобрения, выдаваемого нашими эмоциями.

На протяжении целого поколения родители и учителя помогали нам *самоутверждаться*. Отсюда и все темы наших гуру и публичных лиц, направленные почти исключительно на то, чтобы вдохновлять, поощрять и убеждать нас, что мы можем совершить то, к чему стремимся.

В реальности это делает вас слабыми. Да, именно вас — со всеми талантами чудо-мальчика или девочки-которая-далеко-пойдет. Мы считаем само собой разумеющимся, что у вас есть потенциал. Именно поэтому вы оказались в престижном университете, именно поэтому у вас имеется финансирование бизнеса, вас нанимают и продвигают по службе; поэтому все имеющиеся сейчас возможности достались вам даром.

Как заметил Ирвинг Берлин*, «талант — это всего лишь отправная точка». Вопрос в том, сможете ли вы максимально ей воспользоваться? Или станете своим злейшим врагом? Не погасите ли пламя, которое только занимается?

* Ирвинг Берлин (1888–1989) — американский композитор. *Прим. пер.*

Шерман был человеком, глубоко и надежно связанным с реальностью. Он пришел из ниоткуда и совершал великие дела, не ощущая при этом, что он имеет какие-то *права* на почести, которых удостаивался. На деле он регулярно и последовательно подчинялся другим и был вполне удовлетворен своим участием в победе, хотя это и означало меньше лавров и славы для него лично.

Печально, что поколения мальчишек изучают атаку Пикетта* — *провалившуюся* атаку конфедератов, а модель Шермана — тихая, реалистичная, без блеска — забыта или, хуже того, очерняется.

Можно сказать, что умение трезво оценивать собственные возможности — наиважнейший навык. Без объективной оценки невозможно улучшение. И это, разумеется, затрудняет каждый шаг на этом пути. Естественно, приятнее сосредоточиваться на своих талантах и сильных сторонах, но что это нам дает? Высокомерие и заикленность на себе мешают росту. Так же, как и фантазии и «в́идение».

На этой стадии вам нужно тренироваться смотреть на себя с небольшого расстояния, развивая способность взгляда со стороны. Такое отчуждение — своего рода природное противоядие от эго. Это под силу любому нарциссу. Редкостью является не сырой талант, умения и даже уверенность в себе, а смирение, прилежание и самоанализ.

* Атака Пикетта — неудачная атака войск Конфедерации в последний день битвы при Геттисберге, 3 июля 1863 года. Один из ключевых моментов войны. *Прим. пер.*

Для того чтобы работа несла в себе истину, она должна исходить из истины. Если вы не хотите быть однодневкой, то должны быть готовы к долговременной концентрации.

Нам следует понять: хотя мы и *думаем* масштабно, для достижения того, к чему мы стремимся, мы должны действовать и жить негромко, понемногу. Мы сосредоточимся на *действии* и на *образовании*, откажемся от самоутверждения и статуса, и наши амбиции поэтому будут не грандиозными, а постепенными: шаг за шагом мы станем учиться, расти и тратить на это свое время.

Наши конкуренты — с их агрессией, пылом, самолюбованием и бесконечной саморекламой — не понимают, что ставят под угрозу собственные усилия (не говоря уже о здравомыслии). Мы бросим вызов мифу о самоуверенном гении, которому чужды сомнения и рефлексия, а также оспорим миф об измученном художнике, который обязан жертвовать здоровьем ради работы. Там, где они оба отделены от реальности и других людей, мы свяжемся с ними, будем знать их и извлекать важные уроки.

Черчилль заметил, что факты лучше мечтаний.

Хотя мы разделяем *представление* о величии со многими другими людьми, мы понимаем, что наш *путь* к нему иной. Следуя Шерману и Исократу, мы понимаем, что это является нашим врагом в этом путешествии, и поэтому, когда мы придем к успеху, он не утопит нас, а сделает сильнее.